

УДК 1(091)Хайдеггер

Geschick (посыл Бытия) как конституирующая черта мифического

М. Б. Митлянская

Митлянская Мария Борисовна, магистр философии, аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, divaeanor@gmail.com

Статья посвящена задаче выявления конституирующего признака мифического. Исследование не касается феномена рождения мифа, рассматриваются только те особенности, которые позволили мифу пережить значительные изменения, деконструкции и уклонение, не утратив при этом основу своей сущности, где уклонение (*der Entzug*) – один из важнейших терминов философии Хайдеггера, обозначающий способность сущего являть себя непрямым, неестественным путем, навязывать себя представлению. Не покидая область внимания, самоуклоняющееся (*das Sichentziehende*) скрывается в себе самом. Предлагается в качестве возможного решения поставленной задачи обратиться к поздней философии Мартина Хайдеггера, а именно к концепции «Бытийной истории», в которой представлены рассуждения философа, касающиеся памяти человека о бытии, где один из ключевых феноменов – зов, или посыл бытия (*Geschick*). Посыл Бытия имеет прямую связь с пониманием Хайдеггером истины как несокрытости (*ἀλήθεια*), подчерпнутым из его античных историко-философских изысканий. Проводится герменевтический анализ фрагментов различных мифов и мифологем с целью апробации позиции автора. Затем следует рассуждение, почему без *Geschick* затруднительно представить мифическое. Несмотря на опору на бытийно-исторический проект Хайдеггера, подобный взгляд на теорию мифа довольно нестандартен, поскольку сам Хайдеггер распознавал посыл бытия в античном сказании, отрицая подобную черту за любыми иными мифическими системами. Автор не только предпринимает попытку выявить *Geschick* в легендах иных этносов, используя герменевтический метод Хайдеггера, но и приходит к выводу о том, что без данной особенности не может существовать феномен мифа как таковой.

Ключевые слова: герменевтика, Хайдеггер, история, смысл, история философии, миф.

Поступила в редакцию: 02.02.2020 / Принята: 20.02.2020 /
Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-149-153>

На протяжении всей истории миф сопровождал нас. Иногда более явно, иногда практически незримо. Он развивался, трансформировался, передавался по наследству от народов к народам, менял личины, рассыпался на тысячи сказок и легенд, которые вдохновляли деятелей современной культуры. То, что мы наблюдаем в творчестве как

зеркале сознания нынешнего человека, убеждает нас в актуальности исследования мифического, в частности – в историко-философском ключе.

В первую очередь стоит определить ключевое понятие изучаемого вопроса. Обращаясь к трудам опытных ученых, можно выделить следующие опорные пункты для раскрытия термина «миф»:

- 1) функция мифа – сохранение традиций в изменяющихся условиях [1, с. 226–228];
- 2) в структуре мифа выделяют организующе-нормативную и творческую составляющие [1, с. 226–228];
- 3) мифы по типу делят на героические и объясняющие природные явления [2, с. 372];
- 4) миф является формой миропонимания, связанной с массовым сознанием [3, с. 176];
- 5) миф пребывает в тесной взаимосвязи с логосом как сила слова, направленная на сакральное [4, с. 291–294].

Из последнего пункта следует, что как специфическая форма изложения интерпретаций действительности миф тесно связан с поэзией. Он чаще реализуется через поэтические формы, избегая сухости бытового обыденного повествования, пробуждая силу слова и обогащая традиции, в частности речевую, образами и смыслами, вращающимися в основание языка, формирующими его самобытность (скальдическая поэзия в Скандинавии, священные гимны Древней Индии, античная мифопоэтика, творчество валлийских поэтов-жрецов и т. д.)

В работе «*Was ist das Denken*» Хайдеггер также освещает взаимосвязь мифа, поэзии и мышления: «*Память, собранное воспоминание о том, что требует осмысления, — это источник поэзии. Соответственно этому, и сущность поэзии имеет основание в мышлении. Об этом говорит нам миф, т. е. сказание. Его сказывание называет самое старое, самое раннее не только в смысле отсчета времени, но и потому, что оно по самой своей сущности было, есть и будет более всего достойным мышления*» [5, с. 140].

Концепции философского осмысления мифа

После определения мифа остается открытым вопрос: что именно делает мифическое мифическим? Какая черта или совокупность черт

выделяют миф среди множества иных форм культурной рефлексии человечества? В отечественной историко-философской среде над теорией мифа трудились многие умы, но наиболее известны две фундаментальные работы – «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева [6] и «Философия Древнего мира» А. Н. Чанышева [7], вышедшие в свет с разницей почти в 70 лет. Это отправная точка настоящего исследования, поскольку именно данные книги дают наиболее ясное и четкое понимание философской интерпретации назначения мифа. Чанышев определяет миф через противопоставление науке, через взаимосвязь с философией, где наука культивирует рациональную часть философского знания, а миф творит ее (философии) душу: «*О философии говорят как о форме мифологического сознания. В борьбе против мифологизации философии возрастает роль логики. Но есть и другая крайность. Она состоит в растворении философии в науках. Онаучивание философии столь же смертельно для нее, как и мифологизация...*» [7, с. 13].

Следовательно, чтобы не утратить свою самобытность, философия должна сохранять контакт как с научным, так и мифическим мышлением. Но что именно в мифе представляет такую ценность для философии, чем не располагает наука? Лосев выделяет личностный стержень мифа как обязательную его составляющую и главное отличие от сферы научного: «...*Всякий миф если не указывает на автора, то он сам есть всегда некий субъект. Миф всегда есть живая и действующая личность. Он и объективен, и этот объект есть живая личность. А чистое научное положение и внеобъективно, и внесубъективно*» [6, с. 52]. Среди форм культурной самореализации человечества только ли миф располагает подобной чертой, как бытие субъектом или ориентация на личность? Безусловно, не только. В силу специфики научных интересов для выявления конституирующей черты мифического попытаемся обратиться именно к герменевтическому методу Мартина Хайдеггера, наиболее полно представленному в его философии «после Поворота». Германский мыслитель неоднократно высказывается по феномену мифа, раскрывая его прямую и глубокую связь с бытийной историей. Бытийно-исторический проект Мартина Хайдеггера – плод размышлений философа после «Бытия и Времени». Бытийная история (Geschichte des Seyns), опираясь на метод герменевтики фактивности, развивает фундаментальную онтологию. В данном проекте Хайдеггер переходит от вопросов экзистенции человека к проблематике исторического бытия человечества и «нетематического сказывания о бытии» [8, с. 24].

Уклонение мифа как высказывание о бытии. Концепция Хайдеггера

Чтобы перейти к центральному вопросу статьи, обозначим в общих чертах, как взаимосвязаны миф, бытие и истина у Хайдеггера. В его трактовке истина невербализируема: она, как и природа Бытия, уклончива и в этом состоит ее способ являть себя человеку, т. е. сбываться. Миф как сказывание бытия о себе разделяет путь истины. Со времен истоков западной метафизики он встает на службу иному, например, той же самой философии (что отметил Чанышев), искусству, наконец, маркетингу и политике. Последнее особенно страшно, потому что сам по себе миф не может быть идеологией, но поставленный на службу политическим целям, он становится орудием манипуляций, используя бытийные, т. е. подлинные источники смысла, которые всегда находят отклик в человеческой памяти, как «приманка». Используемый миф в таком случае перестает представлять нечто самоценное, несмотря на бесконечный ресурс смыслов и свою открытость, поскольку становится всего лишь инструментом для достижения того, что лежит за его собственными пределами, чем и обесценивается. Тем не менее жесткая систематизация и по-настоящему строгие определения претили Мартину Хайдеггеру. Приведем цитату из его работы «Das Ereignis» («Событие»).

«О толковании первого начала “мифа” и “философии”.

Объяснение “философии” из “мифа” ошибочно по нескольким причинам:

1. Не является ли первоначальное мышление, которое должно быть “объяснено”, “философией”; это (стало так) только со времен Платона.

2. Мышление как мышление бытия, по сути, начинается само по себе и не может само по себе быть “наследием” “мифа”.

3. Начальное мышление не может быть “объяснено” вообще, оно только должно (было) начаться; те, кто так мыслят, должны мыслить так изначально.

4. Вмешательство историографии меняет каждый путь в Первых началах и подчеркивает (ложную) веру в то, что можно знать, что такое “миф” и “философия”, чтобы разделить их и сделать все “понятным”...» [9, S. 63–64].

Из этого рассуждения можно сделать вывод, согласно которому в герменевтике фактивности строгие рамки определений и попытки классифицировать мышление по видам противоречат самой природе истины и гасят необходимую нужду к вопрошанию, которая по Хайдеггеру должна быть присуща всякому подлинно мыслящему. Тем не менее существует нечто, именуемое

сегодня мифом. Значит есть некоторый признак (или признаки), без которого мифическое не мыслится.

Что есть *Geschick* и какую роль он играет в описании мифического?

Чтобы предложить возможный вариант решения, обратимся к одному из ключевых понятий концепции Бытийной истории Хайдеггера – *Geschick*, т. е. к «посылу Бытия», если опираться на устоявшийся перевод в русскоязычных историко-философских исследованиях. Посыл бытия, как уже говорилось, связан с концепцией истины-несокрытости (*ἀλήθεια*), берущей корни в исследованиях Хайдеггера по античным мыслителям, в частности по Платону, Пармениду и Гераклиту. Сошествие истины-алетейи в мир скрывает в самой себе посыл Бытия, который может быть воспринят мыслящим, но лишь как проводником, стражем Бытия, наблюдателем.

Допустимо объяснить посыл как некий творческий импульс смысла на пласт сущего (опираясь на онтологическое различие Хайдеггера). Разрыв с истиной как несокрытостью, забвение Бытия означают начало процесса тотального опустошения, обесмысливания. Подлинная история, Бытийная история, т. е. история смысла, строится через эти послы подобно пластам (*Schicht* [слой] – *Geschick* [посыл] – *Geschichte* [История]). Бытийно-исторический импульс инициирует событие (*Ereignis*). Событие воплощается посредством воспринятого и пережитого посыла Бытия в поле человеческого внимания, захватившего пространство и время. То есть событие (*Ereignis*) – это по сути свершение (*Ereignung*), развертывание импульса *Geschick* в полотно Бытийной истории.

Посыл Бытия открывается мыслителю, вопрошающему о Бытии. Только в полной и безграничной нужде (*Not*) вопрошания, которое не может иметь опоры, т. е. «вечных ответов», происходит контакт с сущностью истины через распознавание и проживание посылов. Здесь термин «нужда» не несет в себе негативного подтекста. Вероятнее, наоборот, нужда подобна самому зову Бытия, столкнувшись с которым, мыслитель не может приостановить процесс вечного акта творения. Нужда не позволяет подобрать незыблемые опоры и удовлетвориться в мертвом схватывании очередной вариацией «философского мировоззрения».

Понимаемый в таком ключе посыл бытия лежит в основе мифического сказания. И это необходимо понимать в нескольких значениях.

Во-первых, как указывалось ранее, посыл – это основа события. Не происшествия или инфоповода, но для события, которое оказывается актуальным и нужным вне времени, формируя

священную историю. Миф связан именно с такими событиями: создание мира, появление человека, становление династии правителей, изменивших историю, войны поколений богов и т. д. Если пронаблюдать различные сказания, даже бытового уровня, то часто можно увидеть присказку «вот так и появилась... арфа/пятна на луне/огонь у людей» и многое др. Повествуется о событиях, последствия которых так или иначе ощущаются по сей день, формируют действительность. Во-вторых, посыл бытия как зов, ощущаемый героями эпоса, стремление вернуться к предначальному, переживание заброшенности в мир, ощущение внутренней нужды, лишенности, которая творит их неумолимый рок. В-третьих, посыл бытия, обращенный к внимающему сказанию, который сочетает оба первых варианта трактовки зова, но сбывающийся здесь и сейчас, во всяком новом осмыслении. Миф обостряет индивидуальное чувство заброшенности в сущее, подталкивает к вопрошанию о подлинных смыслах, к осознанию своей событийности.

***Geschick* в мифе. Примеры**

«В отличие от всех прочих богов, включая христианского, основная суть греческого божества заключается в том, что греческие боги берут начало из самой бытийной “сущности”, из “глубинно бытийствующего” бытия, и потому даже борьба между “новыми”, олимпийскими богами, и богами “старыми” представляет собой то борение, которое, живя в самой сущности бытия, определяет исторжение его собственной сущности и ее восхождение» [10, с. 241].

В собрании сочинений Хайдеггера обнаруживается дальнейшее глубокое развитие мысли касательно принципиального различия сущности греческих божеств и христианского Бога, но не иными пантеонами. На наш взгляд, глубокое погружение в античную философию и интерес к феномену становления европейской метафизики определил фокус внимания мастера. Даже рассуждая о борьбе поколений богов как о принципе *полемос*, можно найти не менее ценные свидетельства в германо-скандинавском мифопоэтическом наследии, которое по сути ближе немецкому мыслителю. В философском контексте *полемос* (гр. противостояние, битва) – понятие, заимствованное Хайдеггером у Гераклита, которое он развил как принцип постоянного вопрошания как противостояния, способ раскрытия сущности через борьбу, самоутверждение через пребывание с другим. Хайдеггер рассуждает о том, что греческие боги не властны над судьбой, что абсолютно справедливо и для германских богов, если вспомнить Пророчество Вельвы.

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих идею посылы бытия как основы мифического в различных культурах.

Продолжая тему германского эпоса, вспомним в деталях сюжет вражды богов-асов и богов-ванов. Именно в этой кровавой войне, в противостоянии сильнейших происходит окончательное становление картины мира, каковым он виделся древнему германцу. Трое из рода ванов (Ньерд, Фрейр и Фрейя), покровители плодородия, мореплавания, богатства, любви, красоты, мира и благородной войны, присоединяются к богам Асгарда, формируя тем самым полноценный пантеон, отвечающий всем возможным нуждам и интересам мира. В этом сюжете обнаруживается фрагмент священной истории, т. е. событий, в основе которых согласно концепции бытийной истории Мартина Хайдеггера всегда находится зов бытия.

Идея трагического как свершения и сакрализации события через неумолимый внутренний зов ближе героям человеческого происхождения, для которых бытийный пласт глубоко ассоциируется с обителью богов, Царствием Небесным, иным миром, некоей опорой мироздания, связь с которой в земном пребывании крайне тонка и раскрывается через эти самые послылы. Однако существуют исключения подобно греческому Гераклу, валькирии Сигурдриве (Брунгильде), индийскому Нарате и другим, имеющим полубожественное или божественное происхождение, вынужденным влачить земное существование. В таких легендах герой не просто ощущает и проживает зов, а всецело осознает его, что обостряет трагичность. Во множестве индоевропейских культур этот «сверхмир» помогает людским деяниям обретать смысл. Например, Вальгалла или Фолькванг (небесные обители павших достойных воинов) несут в идее избранности не столько причинно-следственную связь действий в Мидгарде и последствий в посмертии, сколько внутреннюю установку германских народов «бытия достойным» – триумф духа через бытие-к-смерти: *«Гибнут стада, родня умирает, и смертен ты сам; но знаю одно, что вечно бессмертно: умершего слава»* [11, с. 196].

Христианская традиция обращена к жизни вечной, искуплению первородного греха, на который обречены все люди по року рождения. Это утверждает тот же мифический принцип вечного воззвания к человеческому назначению, которое не избирал никто, но принять и прожить либо заглушить этот зов вынужден каждый. Безусловно, подобные примеры существуют и в античном, и в древнеиндийском, и в любом мифопоэтическом произведении. Зов бытия одаренный писатель способен отразить в авторской мифологеме, чем объясняется популярность, например, Дж. Р. Р. Толкиена.

Заключение

Всякое вычленение функций или систематизирующее деление не может ухватить полноту сути мифического. Выделенные особенности встречаются и вне мифического. А система – это договорная условность. Поэтическое припоминание и сказывание о том, что наполняет существование зовом к внутренней готовности к событийности, к полемосу, к осознанию собственной заброшенности в сущее – вот что, на наш взгляд, формирует миф. Данная черта прослеживается двояко: как в сюжете мифа, так и в личной отосланности к мифическому.

Историографы, как пишет в том же «Пармениде» Хайдеггер, поют песнь сгнувшим *«вечными ценностями»* ушедших эпох [10, с. 246–247], тем самым по сути уничтожая всякую возможность к так называемому «диалогу» с ними. Добавим, что делают они это не задумываясь о том, что подлинная ценность мифа состоит как раз в том, что вечные ценности никуда «не сгнули», поскольку в эпоху заката метафизики миф являет себя в разнообразных уклонениях. И ценности ушедших эпох не могут быть вечными в полном смысле. Это не может быть оценено через вопрос правильности или пользы, поскольку эти категории – сами плод уклонения истины, бытия, мифа. Уклонение – это способ непрямого явления. А человеку дарована возможность выбора: слышать ли этот зов, давать ли ему голос.

Мифологическое во многом сформировало и наше время. Стало быть, в мифе кроются предначальные ответы о человеческом, о личности и мире. И это рассуждение будет тем самым припоминающим мышлением, мышлением над зовом, над памятью бытия.

Список литературы

1. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В. Краткий философский словарь. М. : АСТ, Слово, 2010. 480 с.
2. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М. : АСТ, Харвест, 1998. 301 с.
3. Гурьева Т. Н. Новый литературный словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2009. 364 с.
4. Чубарьян А. О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М. : Аквилон, 2014. 576 с.
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. : Высш. шк., 1991. 192 с.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 561 с.
7. Чанышев А. Н. Философия Древнего Мира. М. : Высш. шк., 1999. 703 с.
8. Фалев Е. В. Герменевтика истории в философии М. Хайдеггера // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. Философия. 2014. № 2. С. 23–32.

9. Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung : Unveröffentlichte abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 71: Das Ereignis. Frankfurt am Main : Ag: Vittorio Klostermann GmbH, 2009. 348 S.

10. Хайдеггер М. Парменид. СПб. : Владимир Даль, 2009. 382 с.

11. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. с древнеисл. А. Корсуна. М. : Художественная литература, 1975. 770 с.

Образец для цитирования:

Митлянская М. Б. *Geschick* (посыл Бытия) как конституирующая черта мифического // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 149–153. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-149-153>

Geschick (The Message of Being) as a Constitutive Feature of the Mythical

M. B. Mitlyanskaya

Mariya B. Mitlyanskaya, <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>, Lomonosov Moscow State University, 27-4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russia, divaeonor@gmail.com

This article is devoted to the task of identifying the constitutive attribute of the mythical. The study does not concern the phenomenon of the genesis of myth, considering only those features which allow the myth to survive significant changes, deconstruction and evasion, without losing the basis of its essence, where evasion (*der Entzug*) is one of the most important terms of Heidegger's philosophy, denoting the ability of a being to manifest itself in an indirect, unnatural way, to impose itself on a representation. Without leaving the field of attention, the self-evading (*das Sichentziehende*) is hiding in itself. The author of this text analyzed a number of sources and suggests that a possible solution to the problem posed is to turn to the late philosophy of Martin Heidegger, namely, the concept of the history of Being. This conception reveals a number of philosophical considerations regarding a human's memory of being, where one of the key phenomena is the call or message of being (*Geschick*). The call of being has a direct connection with Heidegger's understanding of truth as uncoveredness (*ἀλήθεια*), derived from his ancient historical and philosophical studies. A hermeneutic analysis of fragments of various myths and mythologies is carried out with the aim of testing the author's theory. The research is followed by a discussion of why it is difficult to imagine the mythical without *Geschick*. Despite the reliance on the Heidegger's project of the history of being, this view on the myth theory is rather nonstandard. Heidegger recognized the message of being in the ancient legend, denying the similar feature in any other mythical systems. The author does not make attempt to identify *Geschick* only in the legends of other ethnic groups by using the Heidegger's hermeneutic method but comes to the conclusion that the phenomenon of myth can not merely exist without this feature.

Keywords: hermeneutics, Heidegger, history, sense, history of philosophy, myth.

Received: 02.02.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Mitlyanskaya M. B. *Geschick* (The Message of Being) as a Constitutive Feature of the Mythical. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 149–153. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-149-153>

References

1. Kirilenko G. G., Shevtsov E. V. *Kratkiy filosofskiy slovar* [Brief Philosophical Dictionary]. Moscow, AST, Slovo Publ., 2010. 480 p. (in Russian).
2. Golovin S. U. *Slovar prakticheskogo psihologa* [Dictionary of Practical Psychologist]. Moscow, AST, Harvest Publ., 1998. 301 p. (in Russian).
3. Gureva T. N. *Noviy literaturniy slovar* [New Literary Dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2009. 364 p. (in Russian).
4. Chubaryan A. O. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskiy slovar* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow, Akvilon Publ., 2014. 576 p. (in Russian).
5. Heidegger M. *Razgovor na prosyolochnoy doroge* [Off the Beaten Track]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991. 192 p. (in Russian).
6. Losev A. F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 561 p. (in Russian).
7. Chanyshv A. N. *Filosofiya Drevnego mira* [Philosophy of the Ancient World]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1999. 703 p. (in Russian).
8. Falev E. V. Hermeneutics of history in the philosophy of M. Heidegger. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya filosofiya* [Vestnik of the Pushkin Leningrad State University. Philosophy Series], 2014, no. 2, pp. 23–32 (in Russian).
9. Heidegger M. *Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte abhandlungen Vorträge – Gedachtes. Band 71: Das Ereignis*. Frankfurt am Main, Ag: Vittorio Klostermann GmbH, 2009. 348 S.
10. Heidegger M. *Parmenid* (Parmenides). St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2009. 348 p. (in Russian).
11. *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs]. Trans. from Old Norse A. Korsun. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 770 p. (in Russian).